

Г. Жанибекова^{1*} , Г.С. Султангалиева²

¹Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева, Алматы, Казахстан

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: hokka-80@mail.ru

ОРЕНБУРГСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

С 70-х годов XIX в. начался новый этап в политике Российской империи по отношению к казахскому населению, направленный на открытие профессиональных учебных заведений через которые можно было влиять в необходимом русле на формирование мышления и мировоззрение молодого поколения. Целью данной статьи является анализ деятельности Оренбургской учительской казахской школы (1883–1917) как институциональный эксперимент империи, который на протяжении тридцати четырех лет готовил учительские кадры для волостных и аульных школ. Статья основана на архивных документах, извлеченных из фондов центральных архивохранилищ Казахстана и России, включающие делопроизводственную документацию (прошения, официальную переписку), взаимодействие казахских семинаристов с администрацией школы и биографические данные выпускников. Методологией статьи послужил постколониальный подход, включающий теорию *interstitial subjectivity* (пограничная/промежуточная субъектность) Хоми Бхабха (Homi Bhabha). Данный подход позволит увидеть как выпускник имперской учительской школы, заняв учительскую или административную должность, становился **посредником** между властью и местным обществом, транслируя новые знания, новые модели поведения. Более того, имперская образовательная политика по подготовке казахских учителей имела длительный эффект, так как подготовила кадры для постимперского государства, которые реализовали свои профессиональные знания в первые десятилетия советской власти в Казахстане.

Ключевые слова: учительская школа, образовательная политика, волостные и аульные учителя.

G. Zhanibekova^{1*}, G.S. Sultangaliyeva²

¹Kenzhegali Sagadiyev University of International Business, Almaty, Kazakhstan

²Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: hokka-80@mail.ru

Orenburg teachers' school as an instrument of the integration policy of the Russian empire and the formation of the kazakh pedagogical intelligentsia

Since the 70s of the XIX century a new stage in the policy of the Russian Empire towards the Kazakh population began, aimed at opening professional educational institutions through which it was possible to influence in the necessary direction the formation of thinking and worldview of the younger generation. The purpose of this article is analysis of the activities of the Orenburg Kazakh Teachers' School (1883–1917) as an institutional experiment of the empire, which for thirty-four years trained teachers for volost and aul schools. The article is based on archival documents extracted from the funds of the central archives of Kazakhstan and Russia, including office documentation (petitions, official correspondence), interaction of Kazakh seminarians with the school administration and biographical data of graduates. The methodology of the article was the postcolonial approach, including the theory of *interstitial subjectivity* (border / intermediate subjectivity) of Homi Bhabha. This approach will allow us to see how a graduate of the imperial teacher training school, having taken a teaching or administrative position, became an intermediary between the authorities and local society, transmitting new knowledge, new models of behavior. Moreover, the imperial educational policy for the training of Kazakh teachers had a long-term effect, as it prepared personnel for the post-imperial state, who realized their professional knowledge in the first decades of Soviet power in Kazakhstan.

Keywords: teacher training school, educational policy, volost and aul teachers.

Г. Жәнібекова^{1*}, Г.С. Сұлтанғалиева²

¹Кенжеғали Сағадиев атындағы Халықаралық бизнес университеті, Алматы, Қазақстан

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: hokka-80@mail.ru

Орынбор мұғалімдер мектебі: Ресей империясының интеграциялық саясаты мен қазақ педагогикалық зиялыларын қалыптастыру құралы

XIX ғасырдың 70-жылдарынан бастап Ресей империясының қазақ халқына қатысты саясатында жаңа кезең басталды: жас ұрпақтың ой-санасы мен дүниетанымын өздеріне қажетті арнаға бағыттау мақсатында кәсіби оқу орындары ашыла бастады. Мақалада Орынбор қазақ мұғалімдер мектебінің (1883–1917) қызметі империялық институционалдық эксперимент ретінде талданады; аталған оқу орны отыз төрт жыл бойы болыстық және ауылдық мектептерге мұғалім кадрларын дайындады. Зерттеу Қазақстан мен Ресейдің орталық архивтерінен алынған құжаттық материалдарға (өтініштер, ресми хат-хабарлар), қазақ семинаристтерінің мектеп әкімшілігі мен өзара қатынастарына және түлектердің өмірбаяндық деректеріне негізделген.

Методология ретінде постколониалдық тәсіл, атап айтқанда Хоми Бхабханың *interstitial subjectivity* (аралық/шекаралық субъектілік) теориясы қолданылды. Бұл амал империялық мұғалімдер мектебін тәмамдаған түлектің мұғалім немесе әкімшілік қызметін атқара жүріп, билік пен жергілікті қоғам арасындағы делдалға айналып, жаңа білім мен мінез-құлық үлгілерін тарату тетіктерін айқындауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, қазақ мұғалімдерін даярлауға бағытталған империялық білім саясаты ұзақмерзімді әсерге ие болды: ол постимпериялық мемлекетке кадрлық негіз дайындап, түлектер өз кәсіби білімдерін Қазақстандағы кеңестік биліктің алғашқы онжылдықтарында іске асырды.

Түйін сөздер: мұғалімдер мектебі, білім саясаты, болыстық және ауылдық мұғалімдер.

Введение

С 70-х годов XIX в. начался новый этап в политике Российской империи по отношению к нерусскому населению и он был направлен на интеграцию их в социальное и культурное пространство государства. Одним из средств достижения этой цели стали учебные заведения через которые можно было влиять в необходимом русле на формирование мышления и мировоззрение молодого поколения. Этот вопрос стал активно обсуждаться, не случайно. министр народного просвещения граф Д.А. Толстой (1866–1880) писал, что просвещение нерусского населения Империи «...задача великой политической важности в будущем». (Шестаков, 1869:21). 2 февраля 1870 г. состоялось заседание Совета министра народного просвещения, на котором приняли участие попечитель Казанского и Одесского учебных округов, представитель министерства внутренних дел, директор Департамента духовных дел министерства иностранных дел. На повестке стоял один вопрос – разработка методов образования нерусского населения, населявших Российскую империю. [Демидова, 1960:286-287] В результате обмена мнений, была сформулирована программа просвещения нерусского населения Империи, в основу реализации этой программы были положены идеи миссионера Н.Ильминского. 26 марта 1870г. была утвержде-

на императором система образования нерусского населения Империи и вошла в историю под названием «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев».[ПСЗ РИ, 1874: 314] Согласно данной программе предполагалось создание сети начальных училищ для нерусского населения. Симптоматично, что уже во «Временном положении об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал губернаторством» от 21 октября 1868 г. в разделе VII, в параграфе 262 было отмечено, что «при каждом местопребывании уездного правления полагается иметь общую школу». [Масевич, 1960:340]

С идеей открытия начальных училищ для нерусского населения важным стал вопрос подготовки учительских кадров, тем более, что до 1859 г. в Российской империи действовало всего шесть педагогических институтов: Главный Петербургский и институты при Дерптском, Казанском, Киевском, Московском, Харьковском университетах. [Войтеховская, 2011: 8]. И соответственно встал вопрос об открытии учительских семинарий и школ для подготовки профессиональных кадров –учителей из среды нерусского населения Империи. Каким должен был быть учитель для русско-инородческих училищ?. Будут ли отправлять своих детей в новые школы нерусское население? Чем могут быть привлекательны русско-инородческие школы в отличие от традиционных школ, в частности

мектебе и медресе? Эти вопросы стали основой обсуждения таких вопросов: кто может быть учителем в русско-инородческих училищах, какова должна быть программа их подготовки, как начать набор в открывающиеся 2-классные русско-инородческие училища. Попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков писал министру народного просвещения, что «проводниками к образованию в инородческих школах следует сделать самих инородцев: к учителю инородцу народ всегда имеет более доверия» [Шестаков, 1869: 32]. Идею П.Д. Шестакова поддержал и инициатор образовательной программы для нерусского населения Н. Ильминский, который считал, что нужно открывать казахскую учительскую школу для подготовки учителей из местного населения, которая будет иметь «не столько научно- педагогическое сколько практическое развитие учительского такта и особенно пропагаторского усердия, потому что учителям придется не просто преподавать своим инородческим ученикам научные знания, но вместе с тем бороться с предрассудками киргизского [казахского – Г.С.] народа и магометанско-татарским направлением, где таковое уже укоренилось» (Спасский, 1900:127)

Одним из действенных мер для подготовки учителей в начальных инородческих училищах российское правительство стало рассматривать открытие специальных педагогических заведений, именуемых учительскими семинариями. Опыт открытия таких учебных заведений уже был апробирован в 60-х годах XIX в., в западных регионах Империи, а именно Дерптская (1861), Молодечненская учительские семинарии (Виленский учебный округ, 1864). [Григорьев, 1904: 448-450) Выпускники этих учительских семинарий показали эффективность подготовки учителей в полиэтничных регионах в противодействии польского и немецкого влияния и правительство решило открыть подобные учебные заведения в других регионах Империи, в частности в Центрально-азиатском регионе с целью противодействия татарскому влиянию В результате целенаправленной политики региональных властей и Центра в последней четверти XIX в. были открыты следующие педагогические учебные заведения в таких городах, как Омск, Казань, Оренбург, Ташкент, куда были выделены стипендии для казахских юношей:

- Омская учительская семинария (25 апреля 1872 г., фактически стала функционировать с декабря 1872)

- Казанская учительская семинария (21 октября 1872г.)

- Татаро-башкирская учительская школа в Уфе (1872 г.. в 1877г. переведена в Оренбург);

- Учительская семинария в Ташкенте (1 августа 1879 г.)

- Учительская киргизская школа в Орске (в 1883г., в 1889г. переведена в Оренбург).

В начале XX века Российская империя перешла к подготовке казахских учителей для начальных русско-казахских школ непосредственно в уездных центрах Степного и Туркестанского генерал-губернаторств. В рамках этой стратегии были открыты учительские семинарии в Семипалатинске (1903), Актюбинске (1912), Уральске (1913), Верном (1913), Акмолинске (1916), а также организованы педагогические курсы при уездных городских училищах и Ханско-Ставочной школе во Внутренней Орде. Конечно, обоснованием для этого служила нехватка квалифицированных учительских кадров на фоне роста сети волостных и аульных школ. Однако в более широком контексте данное явление следует рассматривать как проявление имперской «социальной инженерии», направленной на формирование новой социальной группы – казахской педагогической интеллигенции, а именно нового поколения молодежи, способных стать проводниками имперских норм и ценностей и выполнять функции посредника между колониальной администрацией и коренным населением.

Материалы и методы исследования.

Статья основана на анализе архивных документов (учебных программ, делопроизводственной документации, а также биографических данных выпускников и их судеб, извлеченных из фондов центральных архивохранилищ Казахстана и России. Конечно особое внимание для анализа деятельности учительской школы в Оренбурге стал фонд 95 (Оренбургская учительская школа) ЦГА РК, где сохранены документы, посвященные деятельности данного учебного заведения, а именно прошения студентов, свидетельства выпускников, обсуждение вопросов, касающихся учебного процесса на заседаниях педагогического совета, характеристики на выпускников, письма выпускников учителям и директору учительской школы и т.д.

Постколониальный подход включающий теорию *interstitial subjectivity* (пограничная/ промежуточная субъектность) Хоми Бхабха [Homi

Bhabha, 1994] поможет нам увидеть как выпускник учительской семинарии/школы, учитель конца XIX – начало XX вв., овладев русским языком, заняв учительскую или административную должность, представляя мусульманское/казахское сообщества становился посредником между властью и местным обществом. В рамках трансимперской оптики Оренбургская учительская школа представляли собой часть глобальной колониальной логики управления местными элитами, раскрывая параллель с колониальными проектами Британской, Французской империй, от создания «англо-индийских колледжей» до французских миссий в Алжире.

Историография проблемы

В исторической науке рассматривались отдельные вопросы деятельности учительских семинарий/школ для казахских юношей. В первую очередь, это работы инспекторов школ, директоров учительских семинарий, чиновников министерства народного просвещения. А.В. Васильев, будучи инспектором народных училищ Тургайской (1889-1894), основываясь на архивных материалах Тургайского областного правления и личном опыте опубликовал работу по истории образования в Тургайской области, где привел имена казахских студентов, обучавшихся в профессиональных учебных заведениях, в частности Оренбургской учительской школе [Васильев, 1896]. Первый директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов дал анализ деятельности Туркестанской учительской семинарии за первые 25 лет ее существования (1879-1904). [Остроумов, 1904]

В советской историографии нужно отметить монографию Т. Тажибаева, посвященная истории развития школы в дореволюционном Казахстане, где им был выделен раздел, посвященный Оренбургской учительской школе и Туркестанской учительской семинарии. [Тажибаев, 1962:389-413]

В современной российской историографии рассмотрены вопросы становления профессионального педагогического образования в Оренбургском регионе [Рыгалова, 2020:178-183], Западно-Сибирского учебного округа (Стурова, 2014: 28–31) и Туркестанском крае. [Сумарокова, 2015: 1-22].

В современной отечественной историографии целенаправленные исследования по исто-

рии Туркестанской учительской семинарии, роли Н. Ильминского в становлении профессионального педагогического образования в Казахстане во второй половине XIX в. проводят историки С. Сейфульмаликова и А. Садыкова. [Сейфульмаликова и Садыкова, 2018: 264-274; 2019: 714-725] Вместе с тем системного изучения роли Оренбургской учительской школы в новой истории Казахстана в рамках новых методологических подходов отсутствует. Исходя из этого, целью статьи является анализ деятельности Оренбургской учительской школы по подготовке ключевой фигуры имперской политики в последней четверти XIX в. – волостного и аульного учителя, от которого власти ожидали проведение «мягкой» трансформации сознания молодого поколения казахского населения в сторону имперских норм и ценностей. Оренбургская учительская школа занимает особое место в ряду вышеназванных педагогических учебных заведений. Во-первых, она была открыта только для казахских юношей Уральской и Тургайской областей, но по факту в ней учились и молодые люди из других регионов Степного генерал-губернаторства. Во вторых, учебная программа Оренбургской учительской школы несколько отличалась от других учительских семинарий, открытых в Казани, Омске, Ташкенте.

Результаты

Оренбургская учительская школа как институциональный эксперимент империи

Оренбургскую учительскую школу можно рассматривать как социальную лабораторию Российской империи, в которой шла подготовка нового поколения молодежи и отрабатывалась технологии имперского влияния. Во-первых, долго обсуждался вопрос выбора места размещения Оренбургской учительской школы. При выборе места расположения школы учитывались три момента: 1) географическое расположение, чтобы это был центр, который давал бы равную возможность прибытия «в оную учеников из киргизских школ» 2) это локация должны были быть «удобна» и « для распределения окончивших курс на учительские должности по начальным школам и в 3) чтобы она была по возможности удалена «от влияния мусульманской пропаганды».

21 ноября 1880 г. Государственный совет утвердил место локации Казахской учительской школы в г. Троицк. Однако попечитель

Оренбургского учебного округа Владимир Никитович Даль, обосновывая тем, что г. Троицк расположен вдали от казахских кочевий, ходатайствовал перед министром народного просвещения о переносе места расположения учительской школы в г.Орск. В свою очередь военный губернатор Тургайской области А.П. Константинович (1878-1883) согласился с тем, что «по условию центральности местонахождения» Орск более соответствовал бы, чем Троицк. И вместе с тем, он обратил внимание на то, что г. Орск «нельзя считать свободным от мусульманской пропаганды, потому что там много татар». И он рекомендовал разместить учительскую школу в Актюбинске. Основанием для этого, по его мнению, были ряд моментов: 1) открытие в укреплении русско-казахского двухклассного училища и 2) Актюбинск находилось в центре Илецкого уезда и имел в своем районе летовочные места, на которые прикочевывали ежегодно казахи Уральской области, следовательно это обеспечило бы возможность поступления в учительскую школу казахских мальчиков как из Тургайской, так и Уральской областей. И самое главное, казахская молодежь, не имела бы «вредное в политическом отношении» татар в сравнении с г. Орском, где муллы из татар и наличие Татарской школы в городе оказывали бы «отрицательное влияние» на казахских семинаристов и способствовали бы развитию у них «мусульманского фанатизма» [ЦГА РК Ф.25. Оп. 1 Д. 2312 Л. 2-7 об.; Ф. 95. Оп. 2. Д. 25. Л. 78] Однако идея военного губернатора Тургайской области не была поддержана, так как это требовало дополнительных финансовых расходов из государственной казны. 3 февраля 1883 г. были проведены вступительные экзамены в учительскую школу, которая стала функционировать в Орске и официальное открытие которой состоялось 10 апреля. Однако администрация Оренбургской учительской школы постоянно поднимала вопрос о «существенном» влиянии татарского населения г. Орска на казахских юношей учительской школы. Инспектор школы писал, что татары сохранили свое влияние» на мусульманское население региона несмотря ни на какие противодействия и более того, построили мечеть в «самом лучшем месте» Орска. [ЦГА РК Ф.25. Оп. 1 Д. 2312 Л. 2-об.] Анализ документов показал, что перевод в 1889 году учительской школы в Оренбург не был случаен. И это связано не с пожаром, который случился в здании учительской школы, как отмечали многие

исследователи. Это явилось, по моему мнению, только поводом к принятию окончательного решения и перевода учительской школы в Оренбург. Симптоматично и то, что с 1 июля 1890 г. казахская учительская школа заняла помещение Оренбургской татарской учительской школы, которая была закрыта именно в 1889 г. Министерство народного просвещения объяснило это решение тем, что школа не выполнила, возложенной на нее задачи – способствовать распространению между мусульманами образования в «русском духе и сближению их с русским народом». При этом, в казахскую учительскую школу принимали только казахских и башкирских юношей, прием татар был воспрещен. [РГИА Ф.733. Оп. 203 Д. 1421. Л. 30]

Во-вторых, российские власти старались произвести отбор более лояльных кандидатов для поступления в учительскую школу, так как будущие студенты должны были представить кроме стандартных требуемых документов (метрическое свидетельство, медицинская справка (о привитии оспы и о здоровье), свидетельство об окончании русско-казахского двухклассного училища, свидетельства о «благонадежности» которое подписывалось директором начального училища [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 1 Д.85. Л. 6-об]. К примеру, Юнус Тяжибаев за время своего учения с 1906 года в двухклассном русско-киргизском училище «ни в чем не был замечен ни в политике, ни в партийных выступлениях и в религиозном отступничестве». [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 1 Д. 184. Л. 5].. Интерес представляет и такой документ как удостоверение кандидата о судимости, который подписывался аульными старшинами или волостными.

И каждый семинарист с момента зачисления в учительскую школу должен был дать расписку, что он обязуется «со времени поступления в эту школу, подчиниться всем правилам, установленным в школе беспрекословно и исполнить законные требования начальства школы». [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 272. Л. 8] Как мы видим, представленные документы должны были свидетельствовать о потенциальной лояльности кандидата и «удобности». Нужно отметить, что до 1892 года имели право поступать в школу только казахские дети, но ситуация изменилась после 1892 года, когда распоряжением министра народного просвещения была дана возможность поступления и русским юношам. Это мотивировалось тем, что непосредственное общение казахских юношей с русскими позволит более

быстрому освоению русского языка. В результате к началу XX в. процентное соотношение казахских студентов стало уменьшаться и увеличивалось количество русских детей. [Sadykova, Saifulmalikova, 2019:714-725]

В-третьих, ученики Оренбургской учительской школы находились под постоянным контролем со стороны воспитателей и учителей. И их наблюдения были суммированы в каждой характеристике, выдаваемой выпускникам. В первую очередь они выделяли такие качества как «осознанное или серьезное отношение к своим занятиям». Затем выделялась такая способность ученика как умение адаптироваться к новым условиям жизни, а именно школьному порядку, выполнению поручений учителей т.е. «подчинение дисциплинарным правилам» данного учебного заведения. И соответственно делался вывод о том, что можно ли было воздействовать на ученика «словом и убеждением» и воспринимал ли ученик эти наставления».

В характеристике конечно подчеркивалась и степень лояльности казахских выпускников, т.е. «обнаружен ли вредный образа мыслей, проявлял ли дерзости, упрямства или какого либо свободолобия». В большинстве случаев подчеркивалось, что в политическом отношении «ничего дурного не обнаружено», «в особенных нарушениях не замечался», «дерзости, упрямства или какого либо свободолобия» не проявляли. Но вместе с тем, есть интересные факты, где отмечено, что выпускник Мухамеджан Косваков «способен у упрямству и бестактным поступкам», у Ахата Таймасова «доброжелательности к школе не обнаружено». [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 241. Л. 7-10 об.]

В Оренбургской учительской школе произошли два инцидента, когда казахские юноши выразили протест проводимой администрацией школы действиям.

В 1889 году директор учительской школы А.Г. Бессонов попытался ввести основы христианского вероучения для казахских семинаристов 3-4 курсов. Однако, студенты выразили протест и с 14 января стали отказываться от посещения учебных занятий. 23 февраля 1889 года состоялось чрезвычайное заседание педагогического совета под председательством инспектора Оренбургского учебного округа К. Чеховича. В результате были приняты дисциплинарные меры по отношению к зачинщикам этого протеста. В первую очередь, казахские семинаристы были предупреждены, что бал за поведение может

быть у них проставлен ниже «5», а то это лишало бы их право на получение звания учителя начальных училищ. Во-вторых, как показательный пример студенты Беспаяев, Балгимбаев Манке, были отчислены с 3 года обучения (11 января 1890) как зачинщики беспорядков. При этом Беспаяев был исключен из стен учительской школы с правом сдать выпускные экзамены через год. [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 21. Л. 2-21]. Этот случай вызвал отрицательную реакцию у инспектора школ Тургайской области И.Алтынсарина, инспектора татарских, башкирских и казахских школ Оренбургского учебного округа В.В. Катаринского и директора Казанской учительской семинарии Н.М. Ильминского. Дело в том, что в законодательном документе от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» было выделено, что «в видах облегчения детям татар- магометан и всех инородцев -нехристан», обучавшихся в учебных заведениях Империи «освободить от чтения по церковно-славянским книгам» [ПСЗ РИ, 1874: 314]. В результате, директор учительской школы был переведен на другую должность и занятия в учительской школе были восстановлены.

Второй случай произошел практически через десять лет, 22-24 ноября 1898 г. Причиной этому стал факт, что ученик 2 класса Кунжарыков был обращен в христианство и решил перевестись в духовную семинарию. И казахские студенты, выразив тревогу и озабоченность этим событием, отказались идти на занятие и были обеспокоены тем, что их родители и родственники могут из за сложившейся ситуации забрать их из этого учебного заведения. Разъяснительные беседы проводимые попечителем Оренбургского учебного округа и администрацией среди казахских учеников не дало результатов. И администрация школы приступила к дисциплинарным взысканиям, включающие такие меры как снижение баллов по поведению, заключение в карцер на хлеб и воду. И вместе с тем, педагогический совет, обсудив данный инцидент, принял решение, что «школа не должна задаваться миссионерскими задачами, религиозные задачи должны быть вовсе исключены из программы ее деятельности» [Тажибаев, 1962: 405].

Как мы видим, учительская школа выступала не только в роли института подготовки кадров, но и как своеобразная «лаборатория» формирования лояльных субъектов империи. Через учебные программы и воспитательные компоненты, включая элементы христианского вероучения

и практику обращения учащихся в православие предпринимались попытки трансформации культурной и религиозной идентичности казахской молодежи.

Казахские студенты и их судьбы

Анализ прошений казахских юношей, желающих поступить в Оренбургскую учительскую школу выявил два аспекта: а) адаптацию к бюрократическому языку империи, б) попытку маневрирования внутри существующей системы. Первая группа – прошения лично от воспитанников 2-классных русско-казахских училищ, где казахские юноши подчеркивали желание продолжить обучение, так как имели «безграничное стремление к образованию» [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 1 Д. 194. Л. 1-12; Д. 44. Л. 1]. Вторая группа прошений от родителей, которые ходатайствовали о принятии их детей в школу «казенным стипендиатом или своекоштным», так как они «люди бедные и далее подчеркивали, что сама среда их проживания является «крайне невежественной, темной» и они хотели, чтобы их дети получили образование. [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 1 Д. 194. Л. 5-об.] Третья группа прошения исходила от родственников или родителей, которые уже получили образование в русско-казахских училищах или учительских школах и теперь пытались устроить своих племянников или сыновей. К примеру, в фондах ЦГА РК сохранилось прошение Миржакыпа Дулатова о принятии его племянника Искендера Дулатова в учительскую школу приходящим учеником [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 337. Л. 2.] или султана Ахмедши Арунгазыева о приеме брата Габдул-Акбара в учительскую школу. [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 381. Л. 30].

Следующую группу составили прошения от заведующих русско-казахских 2-х классных училищ, которые ходатайствовали за своих воспитанников, подчеркивая их успехи и способности обучаться дальше. Так, заведующий Уральским русско-киргизским училищем писал, что Миргалий Истаев окончил курс училища с наградой 1-й степени и достоин продолжить обучение [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 69. Л. 31-об.]

Нами составлен список казахов, обучавшихся в Оренбургской учительской школы с 1883-1917 гг., который включает 163 фамилий. Конечно не все из них завершили обучение, определенная часть закончив 3 класс учительской школы, имели право сдать экзамен по сокращенной программе и получить свидетельство на зва-

ние «учителя начальных училищ». Эта практика получила распространение, так как в ЦГА РК сохранились свидетельства о получении звания «учителя начальных училищ» по сокращенной программе. К примеру, Альмен Азирмамбетов, окончив 3 класса выбыл из школы по домашним обстоятельствам в конце 1900-1901 учебного года, но сдав экзамен по сокращенной программе через год, получил свидетельство и назначение на должность начального учителя Таупской аульной школы (Иргизский уезд) [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2 Д. 278. Л. 3]

Большая часть казахских воспитанников прерывали свое обучение из за состояния здоровья, семейных обстоятельств и т.д. [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 381. Л. 15-об.; Д. 130. Л. 3-об/].

Анализ социального происхождения обучавшихся в учительской школе показывал, что из 163 студентов, 30 – дети султанов (Каратаевы, Арунгазыевы, Сейдалины, Тургачины, Кусябгалиевы, Умбеталиевы и др.), 60 юношей-дети биев, казахских чиновников, волостных, аульных старшин, остальные -дети простых кочевников. Эти данные обращают внимание на то, что подготовка учительских кадров имела более широкую социальную базу, чем в таких учебных заведениях первой половины XIX в., как Оренбургский и Сибирский кадетские корпуса.

В характеристиках, выдаваемых казахским воспитанникам подчеркивался уровень профессиональной подготовки их как учителей, а именно «пробные уроки давал вполне хорошо», имел способность «проявить образцовое самообладание и строгую последовательность» при проведении учебных занятий. При этом представлялась разная градация того, каким мог бы быть воспитанник от «весьма хорошего» до «весьма удовлетворительного» учителя И есть такие наблюдения, что «к учительской деятельности не имеет расположения», а больше увлекался танцами и развлечениями» [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 2. Д. 241. Л. 7-10 об.]

По окончании учительской школы, воспитанники должны были отработать шестилетний срок в качестве учителя начальных училищ, так как находились на казенной стипендии, или же «уплатить казне единовременно и сполна истраченную в школе сумму» за период их обучения. [ЦГА РК Ф. 95. Оп. 21 Д. 296. Л. 1] Это правило было прописано в свидетельствах, выдаваемых учебным заведением. Соответственно воспитанники школы должны были получить место службы в аульных, волостных школах.

Судьба выпускников Оренбургской учительской школы складывалась по разному, но все они внесли определенный вклад в развитие просвещения в Степи. Одной из ярких стала деятельность выпускника Габдул-Галия Балгимбаева, начавшего свой профессиональный путь от помощника учителя Кустанайского 2-классного училища. (с 1 сентября 1886 г.), учителя 1 класса, исполняющего обязанности заведующего этим же училищем (1887 г.) до заведующего 2-х классным русско-казахским училищем в Карабутаке (20 июля 1891). Эту должность Г. Балгимбаев исполнял более 10 лет. За этот период школа из одноклассной была преобразована в двухклассную. Не случайно инспектор школ Тургайской области И.Хохлов писал, что Габдул Галий Балгимбаев отличался «полной безупречностью как в нравственном, так и в служебном отношении». [ЦГА РК Ф. 25. Оп. 2. Д. 78. Л. 4-об.]

23 ноября 1900г. Г.Балгимбаев за свою службу был удостоен звания личного почетного гражданина. 30 ноября 1902 года Г.Балгимбаев был переведен в Оренбург и временно исполнял должность начальника газетного стола Тургайского областного правления, а уже через год военный губернатор ходатайствовал о утверждении Балгимбаева в должности начальника газетного отдела. При этом отмечалось, что «делопроизводство в газетном столе ведется Балгимбаевым образцово и что он вполне достоин» этой должности. По сути, Г.Балгимбаев стал редактором «Тургайских областных ведомостей». [ЦГА РК Ф. 25. Оп. 2. Д. 78. Л. 4-об.] Но видимо опыт педагогической деятельности захватывал Г. Балгимбаева больше, так как с 1907 года он перешел на должность «инспектора инородческих училищ» первого (Кустанайского), затем Иргизского (с 1912) районов Тургайской области.

Дослужился до должности заведующего Джетигаринско-Чубарским 2-х классным русско-киргизским училищем Жамалитдин Бейсенев, выпускник учительской школы 1895 г. [ЦГА РК Ф. 27. Оп. 1. Д. 104 Л. 23-24.]

Многие выпускники учительской школы, работавшие учителями волостных и аульных школ были удостоены наградами Империи, в частности Булебай Сарабатыров звания личного почетного гражданина [ЦГА РК Ф. 27. Оп. 1 Д. 40. Л. 21-22], учитель Карабутацкого двухклассного училища Ахмет Балгимбаев, учитель

Тургайского двухклассного училища Тлеген Медетов были награждены серебрянными медалями для ношения на груди на александровской ленте, учитель Тургайского двухклассного русско-киргизского училища султан Исенгазы Бабин золотой медалью для ношения на груди за 30 лет усердной службы [ЦГА РК Ф. 27. Оп. 1 Д. 40. Л. 78 -79; Д. 54. Л. 75 -76]

Большинство выпускников учительской школы, получив образование в имперской школе, смогли адаптироваться к новым политическим реалиям и реализовать свои профессиональные и знания в первые десятилетия советской власти. В 1920–30-е годы они активно участвовали в становлении советского народного образования, занимали ключевые позиции в административных структурах на региональном и местном уровнях: (Ахмет Байтурсынов (1872-1937), Билял Асфендияров (1886-1858), Молдагали Жолдыбаев (1887-1938). Файзулла Галимжанов (1891-1942). Габдул-Карим Токтабаев (1892-1936) и др.) Они активно участвовали в открытии советских школ, подготовке учителей, учебных пособий, учебников для казахских школ, становились редакторами газет, в частности «Еңбекші казак» (М.Жолдыбаев), журнала «Жаңа мектеп» (М.Жолдыбаев) и т.д. Это свидетельствует о том, что имперская образовательная политика по подготовке профессиональных кадров -учителей имела длительный эффект, явилась каналом социализации казахской молодежи и по сути подготовила кадры для постимперского государства.

Заключение

Таким образом, Оренбургская учительская школа в которой шел процесс подготовки учительских кадров стала элементом имперской стратегии последней четверти XIX -начало XXвв., направленной на постепенное включение казахской молодежи, будущих учителей в социокультурное пространство империи. Казахская молодежь становилась объектом и одновременно участником сложной политики империи по трансформации идентичностей, включения их в новые интеграционные практики.

Статья подготовлена в рамках проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования РК ИРН проекта AP22788682.

Литература

- Алешина С.А.(2014) Становление и развитие системы педагогического и дополнительного профессионального образования педагога в Оренбуржье в XVIII – конце XX века [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 5. – <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14515>
- Васильев А.В. (1896) История русского образования в Тургайской области: исторический очерк и современное состояние. Оренбург : Типо-лит. Жарикова, 1896. – 72 с.,
- Войтеховская М. П. Кочурина С. А., Перова О. В. (2011) Учительские семинарии и учительские институты Западно-Сибирского учебного округа. Сборник документов и материалов. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета. 520 с.
- Материалы по истории БАССР. (1960) Сборник документов и материалов. Сост. Н.Ф. Демидовой; Под ред. С.М. Васильева. Москва, Изд-во Акад. наук СССР. Т.5.Ч.1.783с.
- Материалы по истории политического строя Казахстана (1960) Т.1. Сост.: М. Г. Масевич и др. Алма-Ата : Наука. 441 с.
- Остроумов Н.П.(1904) Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25-летие существования (30 августа 1879 года – 30 августа 1904 года). Ташкент. 219 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Спб., 1874. Т.45. С.314
- Рыгалова М. В. (2020) Профессиональное образование на окраинных территориях Российской империи в 1880-х годах – начале XX века// Самарский научный вестник. Т. 9, № 2 (31). С.178-183
- Сейфулмаликова С.С., Садыкова А.К. (2018) Түркістан, Дала генерал-губернаторлығында құрылған мұғалімдер семинарияларының тарихынан (1879-1917 жылдар) // Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. Хабаршы: Тарих сериясы. — №2(89). — Б. 264-274.
- Сейфулмаликова и А. Садыкова Роль Н.И. Ильминского в открытии Туркестанской учительской семинарии и оренбургской киргизской учительской школы <https://phsreda.com/e-articles/10/Action10-10831.pdf>
- Sadykova A.K., Saifulmalikova S. S. (2019). Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire// Bylye Gody. Vol. 52. Is. 2. P.714-725
- Спасский Н.А. (1900) Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара: Типография Самарской Духовной Консistorии (Н.А. Жданов). 376с.
- Стурова М.В. (2014) Степной край в составе ЗападноСибирского учебного округа: особенности управления (80-е гг. XIX в. – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. № 1 (27). С. 28–31
- Сумарокова О.Л. (2015) Туркестанская учительская семинария // Научные периодические издания. №2. С. 1-22.
- Садыкова А.К. (2016) Верный мұғалімдер семинариясының тарихынан (1913-1917 ж) // Абай атындағы ҚазҰПУ Хабаршысы:Тарих және саясиәлеуметтік ғылымдар сериясы. 2016. №3(50). – Б. 323-328.
- Тажибаев Т. Т. (1962) Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века, Алма-Ата : Казгосиздат. 506 с.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)
- ЦГА РК Ф.27. Оп.1 Д.40. Л.78 -79;
- ЦГА РК Ф.25. Оп. 1 Д.2312 Л. 2-7об
- ЦГА РК Ф.95. Оп. 2. Д. 21. Л. 2-21
- ЦГА РК Ф.95. Оп.1 Д.85.Л.6-об
- ЦГА РК Ф.95. Оп.1 Д.184. Л.5
- ЦГА РК Ф.95. Оп.2. Д.272. Л.8
- ЦГА РК Ф.95. Оп.2. Д.241. Л.7-10об.
- ЦГА РК Ф.95. Оп.1 Д.44.Л.1.
- ЦГА РК Ф.95. Оп.1 Д.194.Л 1-12
- ЦГА РК Ф.95.Оп.2.Д.381. Л.15-об.
- ЦГА РК Ф.95.Оп.2Д.130.Л.3-об.
- ЦГА РК Ф.95. Оп.2. Д.337. Л.2
- ЦГА РК Ф.95.Оп.2.Д.381. Л.30
- ЦГА РК Ф.95.Оп.2.Д.69. Л.31-об.
- ЦГА РК Ф.95. Оп.2 Д.278.Л.3
- ЦГА РК Ф.95. Оп.21 Д.296. Л.1
- ЦГА РК Ф.25. Оп.2.Д.78. Л.4-об.
- ЦГА РК Ф.27. Оп.1. Д.104 Л.23-24.
- ЦГА РК Ф.27. Оп.1Д.54. Л.75 -76
- ЦГА РК Ф.27. Оп.1 Д.40. Л.21-22
- Шестаков П.Д. (1869) Соображения о системе народного образования инородцев, обитающих в казанском учебном округе. Казань.126 с.
- Homi Bhabha. *The Location of Culture*. Routledge, 1994.295 p.

References:

- Aleshina S.A. (2014) Formation and development of the system of pedagogical and additional professional education of teachers in the Orenburg region in the 18th – late 20th centuries [Electronic resource] // Modern problems of science and education. N.5 <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14515> (on Russian)
- Vasiliev A.V. (1896) History of Russian education in the Turgai region: historical essay and current state. Orenburg: Typo-lit. Zharikova, 1896. – 72 p. (on Russian)
- Voitekhovskaya M.P. Kochurina S.A., Perova O.V. (2011) Teachers' seminars and teacher's institutes of the West Siberian educational district. Collection of documents and materials. Tomsk: Publishing house of Tomsk State Pedagogical University. 520 p. (on Russian)
- Materials on the history of the Bashkir ASSR. Collection of documents and materials. (1960) Comp. N. F. Demidova; Ed. S. M. Vasiliev. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. 5. Part 1. 783 p. (on Russian)
- Ostroumov N. P. (1904) Report of the Turkestan Teachers' Seminary for the 25th anniversary of its existence (August 30, 1879 – August 30, 1904). Tashkent. 219 p. (on Russian)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). St. Petersburg, 1874. Vol. 45. P. 314 (on Russian)
- Rygalova M. V. Professional education in the outlying territories of the Russian Empire in the 1880s – early 20th century (2020) // Samara Scientific Bulletin. Vol. 9, No. 2 (31). P. 178-183 (on Russian)
- Seifulmalikova S.S., Sadykova A.K. (2018) Turkistan, Dala Governor General lygynda kurylgan mugalimder seminaryalarynyn tarihy (1879-1917 zhyldar) // Al-Farabi atyndagy Kazakh ulttyk university. Khabarshy: Tarikh series. No. 2 (89). B. 264-274. (on Kazakh)
- Seifulmalikova S. Sadykova A. Role N.I. Ilminsky in the opening of the Turkestan Teachers' Seminary and the Orenburg Kyrgyz Teachers' School. <https://phsreda.com/e-articles/10/Action10-10831.pdf>
- Sadykova A.K., Saifulmalikova S. S. (2019). Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire // Bylye Gody. Vol. 52. Is. 2. P.714-725 (on Russian)
- Sadykova A.K. (2016) Faithful mugalimder seminary son of tarihy (1913-1917) // Abay atyndagy KazYPU Khabarshysy: Tarikh zhane sayasieumettik gylymdar series.. No. 3(50). – B. 323-328. (on Kazakh)
- Spassky N.A. (1900) Educator of the non-Russians of the Kazan region Nikolai Ivanovich Ilminsky. Samara: Printing House of the Samara Spiritual Consistory (N.A. Zhdanov). 376 p. (on Russian)
- Sturova M.V. (2014) Steppe region as part of the West Siberian educational district: management features (80s of the XIX century – early XX century) // Bulletin of Tomsk State University. History. No. 1 (27). P. 28-31. (on Russian)
- Sumarokova O.L. (2015) Turkestan teachers' seminary // Scientific periodicals. No. 2. – P. 1-22. (on Russian)
- Tazhibayev T. T. (1962) Education and schools of Kazakhstan in the second half of the 19th century, Alma-Ata: Kazgosizdat. 506 pp. (on Russian)
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK)
- TsGA RK F.27. Op.1 D.40. L.78 -79;
- TsGA RK F.25. Op. 1 D.2312 L. 2-7 rev
- TsGA RK F.95. Op. 2. D. 21. L. 2-21
- TsGA RK F.95. Op.1 D.85.L.6-rev
- TsGA RK F.95. Op.1 D.184. L.5
- TsGA RK F.95. Op.2. D.272. L.8
- TsGA RK F.95. Op.2. D.241. L.7-10ob.
- TsGA RK F.95. Op.1 D.44.L.1.
- TsGA RK F.95. Op.1 D.194.L 1-12
- TsGA RK F.95.Op.2.D.381. L.15-rev.
- TsGA RK F.95.Op.2D.130.L.3-rev.
- TsGA RK F.95. Op.2. D.337. L.2
- TsGA RK F.95.Op.2.D.381. L.30
- TsGA RK F.95.Op.2.D.69. L.31
- TsGA RK F.95. Op.2 D.278.L.3
- TsGA RK F.95. Op.21 D.296. L.1
- TsGA RK F.25. Op.2.D.78. L.4-rev.
- TsGA RK F.27. Op.1. D.104 L.23-24.]
- TsGA RK F.27. Op.1D.54. L.75 -76
- TsGA RK F.27. Op.1 D.40. L.21-22
- Shestakov P.D. (1869) Considerations on the system of public education of the Inords living in the Kazan educational district. Kazan. 126 p. (on Russian)
- Homi Bhabha. (1994) The Location of Culture. Routledge. 295 p. (on English)

Сведения об авторах:

Г. Жанибекова – ст. преподаватель Университета международного бизнеса им. Кенжеғали Сағадиева (Алматы, Казахстан, e-mail: hokka-80@mail.ru);

Г. Султанғалиева – д. и. н., профессор КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: sultangaliyevagulmira@gmail.com).

Information about the authors:

Zhanibekova G. – senior lecturer at the University of International Business. Kenzhegali Sagadiyeva. email: hokka-80@mail.ru

Sultangaliyeva G. – doctor of Historical Sciences, Professor at Al-Farabi Kazakh National University email: sultangaliyevagulmira@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет:

Жәнібекова Г. – Кенжеғали Сағадиев атындағы Халықаралық бизнес университеті аға оқытушысы. E-mail: hokka-80@mail.ru

Сұлтанғалиева Г. – т.ғ.д., әл-Фараби атындағы ҚазҰУ профессоры. E-mail: sultangaliyevagulmira@gmail.com

Поступило: 05.08.2025

Принято: 28.08.2025